

18+

АЛЕКСЕЙ БРАЙДЕРБИК

Собрание сочинений

ТОМ 3

Алексей Брайдербик
Собрание сочинений. Том 3

«Издательские решения»

Брайдербик А.

Собрание сочинений. Том 3 / А. Брайдербик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504734-2

В третий том входят различные прозаические наброски, миниатюры и рассказы, которые были написаны за последние четыре года.

ISBN 978-5-00-504734-2

© Брайдербик А.
© Издательские решения

Содержание

Заполнение талантами	6
Процесс сотворения моего совершенства	7
Асфальт	8
Песня смерти	9
Песня жизни	10
На кладбище	11
Темная комната	12
Моя обида	13
Место моей работы	14
Детские площадки	15
Просто миниатюры	16
Пустоши мира	17
Я – дом	18
Страшное	19
В поле	20
Льдины	21
О рыбаках	23
Светлая комната	25
Знакомство	26
Монстр	27
Прорицатель	28
Моя работа	31
Маяк	33
Трансформация	34
Культура	35
Размышление 1	36
Разные записи из дневника	37
Прозаические тексты	38
Танкетки (жанр)	39
Хайку 2	40
Наши ангелы	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Собрание сочинений Том 3

Алексей Брайдербик

© Алексей Брайдербик, 2022

ISBN 978-5-0050-4734-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0050-1757-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А рыбы и не думают о нас.

Они всего-то плавниками крошат водные толщи морских глубин.

А рыбам всё равно, кто смотрит на них из других стихий.

Им главное – чтобы вода их окружала.

Природа зашила их уста нитями молчания.

Ни звука, ни слова.

А разве можно что-то возразить на человеческое невежество?

Заполнение талантами

Я расслабленно вздохнул. По повелению голоса левой рукой я раскрыл свою грудную клетку – правой я поддерживал добытые предметы – легкие не тронул, лишь раздвинул их в стороны, чтобы освободить пространство.

Сейчас, когда я обнажил перед опустелостью помещения свое нутро, я понял, что и меня населяла опустошенность. Она холодна и нема, она отчасти осязаема. Страшно ли это? Я пово-дил рукой внутри себя... Так необычно и непривычно. Я ведь прежде никогда не пытался познать опустение в себе, я даже не подозревал о размерах этой пустоты, а они немаленькие. Я – человек, мое наполнение – это органы, мышцы и скелет. Но это только будущий прах. Без них я ничто, с ними же я ничто не меньшее.

Я взял, скрипку со смычком и аккуратно поместил вертикально рядом с сердцем. Затем я положил за них холст с кистями и красками. Чернильницу с пером я поставил рядом со скрипкой – места для них вполне хватило. Лист бумаги с чертежом дома я сложил пополам и про-сунул под чернильницу.

Оставалось позаботиться о яйце. Столь хрупкая вещь требует очень бережного обраще-ния. Всего одно неловкое движение или толчок – и скорлупа треснет. Яйцо я постарался при-строить под самым сердцем.

Я закрыл грудную клетку.

Процесс сотворения моего совершенства

Как я появился на свет. Я открыл глаза и увидел тьму – однородную и безмолвную, без размеров и пределов. Я осознавал себя и свои мысли, но не имел представления о том, кем являлся. Был ли я человеком или кем-то еще? Призраком, идеей живого существа или тем и другим одновременно? Я не мог ни говорить, ни даже двигаться, мне только и оставалось, что просто созерцать окружающую тьму – блеск и безупречность ее пустоты.

Сбор.

Целостность.

Распад.

Но вдруг безликая тьма превратилась в бесформенный свет – яркий и даже резкий, теперь-то я точно знал, где находился и частью чего был. Мир, смыкавшийся вокруг меня, – комната с бесцветными стенами, не высоким и не низким потолком, и полом – то ровным, то нет. Всё пространство помещения двигалось, искажалось и искривлялось, впрочем, мне это могло только казаться, как и стены, пол и потолок самой комнаты. И возможно, свет и тьма были всего-навсего отголоском идеи, мысли.

В комнате появился некто. Я понял, что это Творец. Он создал мое туловище, приделал к нему руки, ноги и голову, после наклонился и прошептал:

– Отныне ты – всё!

Творец научил меня говорить, чувствовать и понимать законы мира.

Асфальт

Я падаю в бездну, но это не что-то физическое, материальное, что приводит к распаду и исчезновению плоти. Я падаю в бездну неуверенностей, страхов и неспособности сделать первый шаг, я просто не могу осознать весь механизм: с чего следует начать, чем закончить. Поэтапный процесс – моя логика буксует в попытках осмыслить его природу. Вот пару недель назад я собирался перейти дорогу. Один из трех стеклянных глаз светофора мигал зеленым зрачком.

Казалось бы – иди. Но нет, я не мог сообразить, с какой ноги надо начать движение – с правой или с левой. Я никогда не обращал внимания на такие мелочи и всегда просто шел, куда мне нужно было. Но теперь я стоял, и ветер завывал надо мной, изредка проезжали машины. А я стоял, словно приклеенный. На меня что-то нашло, я как будто увидел себя со стороны. Но это только минутное замешательство, потерянности. Потом, когда я все-таки понял, на какую ногу мне следовало сперва опереться, чтобы сдвинуться с места, я вдруг понял, что не знаю, идти ли мне по намеченной белыми полосами разметке пешеходного перехода или перейти в ином месте, где ее нет. Эти нанесенные белой краской полосы на асфальте сбили меня с толку, я почувствовал тошноту от запаха выхлопных газов автомобилей. Чёрт! Этот запах – от него хочется в обморок упасть. Однако не здесь, не рядом с дорогой, в каком-нибудь другом месте. Не хватало еще, чтобы моя одежда пропиталась мерзким смрадом. Моя обострившаяся чувствительность ужасна, ужасна, прежде всего для меня самого, ибо я никогда не реагировал так остро, так сильно, так болезненно на подобные вещи. Переносил их легко и просто, а в этот раз всё было наоборот.

Я всё же пересилил себя, не знаю уж, как мне это удалось. Я быстро перебежал на другую сторону дороги, перебежал чуть ли не с закрытыми глазами, одним большим вдохом наполнив легкие воздухом до отказа, правда вперемешку с неприятными, но не убийственными испарениями асфальта.

Песня смерти

Я – стихия, что жонглирует галактиками.
Под кожей сущего я киплю и бурлю, а также в нереальное прокладываю мосты. На их перекрестках грезы и видения возносятся к сверхъестественному.
Я шепчу одиноким путникам слова древних молитв.
Я – посланник королевства печали, что в густом сумраке утопает.
Я среди надгробий миражом блуждаю.
Я – стужа лютая.
Я упиваюсь стенаниями вдов и отцов, чьи сыновья моими трофеями стали.
Мое ложе – дно могилы.
Иногда в крепости к спящим я мороком прокрадываюсь.
Я – болезнь, от которой нет исцеления.
В своих проклятых садах я аплодирую усопшим.
Я – палач.
Я есть смерть!

Песня жизни

Я – единое и вечное для всех истоков начало.
Я бываю мига короче, но пылаю ярче, чем тысяча солнц.
Я – феникс, возрождающийся из пепла.
Я – ветреная царица противоречий бытия.
Я заполняю собой каждую крупицу Вселенной.
Я и смерть – две стороны медали единой.
Я – чистый свет, что разрывает на части крошечную тьму.
Я – песня этого мира, что звучит в сердцах людей.
Меня легко отнять, но трудно даровать.
Я – редчайшее из всех посланных богом сокровищ.
Я, как вода, могу из брэнной плоти утечь.
Я врываюсь в этот мир в разных обличьях, но меня всегда узнают и общим для всех
именем нарекают: жизнь!

На кладбище

Кладбище – это особенное место. Здесь не слышен жуткий шорох холодных крыльев смерти, и каждой частичкой существа не улавливается тяжесть ауры распада и тлена. Над ровными рядами надгробий мягко реет умиротворяющее и завораживающее безмолвие, мягкая мистическая тишина, наводящая на размышления о тленности мира, зыбкости человеческого бытия. Свет радости и флюиды счастья никогда не появляются в пределах кладбища, не тревожат неподвижный покой, что незримым куполом накрывает его, и не иссушают потоки скорби и печали, текущие по переплетающимся у могил дорожкам и тропинкам. Кажется, что даже само время на погосте перестает бежать куда-то сломя голову. В других местах жизнь ни на секунду не прерывает своего жаркого торжества, поет на разные голоса и мотивы, шумит и грохочет, зато тут, в последнем пристанище мертвых всё погружено в вечный сон, и никакая птица или зверь не смеют нарушать его. Каждый новый день здесь похож на предыдущий.

Темная комната

Наверное, нет ничего страшнее, чем оказаться в абсолютно темной комнате. Ты не видишь ее стен и потолка, а только чувствуешь пол, на котором стоишь. Ты не представляешь размеров этой комнаты: может, она чуть меньше чулана или, наоборот, больше любого из известных тебе помещений. Внезапно ты понимаешь, что здесь присутствует еще кто-то. От этой догадки по коже бегут мурашки, а в душе разгорается пламя тревоги. Некто стоит за спиной и дышит тебе в затылок. От него веет кладбищенским холодом и пахнет тленом. Некуда бежать и негде спрятаться: окружающая тьма – его союзник!

Говорят, что из всякого затруднительного положения, тупиковой ситуации или гиблого места есть выход; у этой темной комнаты тоже есть выход, да только проблема в том, что глаза его вряд ли найдут.

Моя обида

Горбатой запятой слезы
От глаза к подбородку моему
Тоска выводит дуговидный штрих.
И никаким кружевным сказом утешенья
Не стесать и за века
Хотя бы одной ее занозы.

Место моей работы

Я работаю в магазине, который торгует бытовой техникой: разными чайниками, стиральными машинками, телевизорами и прочим. Я не продавец-консультант и не обслуживаю посетителей, даже в беседу с ними не вступаю – я занимаюсь ремонтом бытовой техники. С утра до вечера все пять дней в неделю я сижу в своей мастерской и копаюсь в шестеренках и микросхемах.

Магазин занимает три зала длинного здания, по фасаду которого идет ряд одинаковых квадратных окон.

В первом зале – маленьком, с несколькими выходами, ведущими в разные подсобные помещения, – работаю я и еще человек десять. Второй зал – по размерам самый большой – разделен на секции стеллажами со всевозможными товарами. А в третьем зале – гораздо меньше второго, но чуть больше первого – сидят начальники, их помощники и секретари.

Зал, в котором я работаю, всегда чем-то заставлен, забит до отказа, захламлен, иной раз от количества вещей, которые уже починены, о тех, что стоят в очереди на ремонт, не протолкнуться и не пройти так, чтобы не споткнуться или не задеть что-нибудь.

Куда ни глянь, всюду на столах валяются какие-то запчасти, странной и интересной формы детали, винты, куски проволоки и другая ремонтная мелочь.

Да, здесь у нас всегда хаос, бедлам и бардак. С улицы нельзя увидеть, в каких условиях мы работаем, так как первые пять окон нашего здания завешены шторами и вдобавок доверху заставлены коробками, ящиками, завалены свертками.

Окна второго зала – их, кстати, семь – чистые и блестящие, ничем не занавешены и не заклеены, так что любой желающий может увидеть сквозь них товары, продающиеся в магазине. Второй зал чистый и ухоженный, в нём порядок, все товары на полках и сами полки пропорциональны и симметричны.

А вот три окна последнего зала темны днем и освещены ночью. При свете солнца за ними открывается один вид, а в темноте или в свете разных источников внутри зала – совершенно иной. В третьем зале сочетаются комфорт и роскошь со строгостью и практичностью, царит атмосфера богатства и привилегированности. Так мне, по крайней мере, рассказывал мой товарищ, которому довелось побывать там раз или два.

Иногда, оторвавшись ненадолго от работы, я подхожу к проходу во второй зал и устремляю взгляд через его огромное помещение в сторону третьего.

Люди переходят из одного зала в другой. Появляются из дверей третьего и тут же теряются меж стеллажей второго. Или наоборот, суется в глубине торгового зала, а затем один за другим пробегают в административный.

Мы все пытаемся быть ближе к начальству, стремимся стать частью правящей элиты.

Помаркой по листам тетради
Скачет музы тощей рифма
Так дай же Бог хотя бы на мгновение
Цепями букв сковать ей ноги.

Детские площадки

Я – строитель, руки даны мне, чтобы создавать детские площадки. Мои знания и опыт помогают воплотить инженерную мысль для всеобщего блага. Я строитель – художник и мастер своего дела. И, как любой художник, вкладываю в свои произведения душу.

Я бы хотел, чтобы создаваемые мной творения существовали вечно! С каким благоговением я люблю совершенство и великолепием результатов работы. Я бы мог им посвятить поэму или песню.

Я работаю в бригаде. Мы не просто люди, связанные общим делом и желанием что-либо построить, – мы братья, семья. Мы стоим горой друг за друга. Мы работаем слаженно, где-то на подсознательном уровне общаясь между собой. Я чувствую их, они чувствуют меня.

Наше виртуозное обращение со строительными материалами подобно искусной игре на музыкальных инструментах. Мы создаем из хаоса порядок – всего несколько вещей.

Мы все строители, только кто-то возводит детские площадки, а кто-то создает собственную реальность. Но как площадки, так и реальность – это лишь часть материала, который использует время, когда вылепливает нашу жизнь.

Просто миниатюры

Откровения и берега

Вот мое откровение: если от чьих-то берегов дует ветер угроз в нашу сторону, мы обязаны восстать огненной стеной. Разумеется, тут никто нас не осудит, а только посочувствуют и чем-нибудь помогут. Но если это наши берега дышат угрозой, то в таком случае я обязан дезертировать – в этом я вижу свой великий долг. Правды в наших действиях нет и быть по определению не может.

А как же осуждение со стороны других? Мне всё равно, я с ними связан так же, как вода с огнем. Я прекрасно проживу с грехом, которого нет, предательством, которого я никогда совершал, и моралью, неизвестной никому, кроме меня.

Пустоши мира

Я несколько раз взмахнул крыльями и взмыл в небо. Сначала я превратился в искру пламени, потом в шар света, раздвоился, рассыпался, но всё равно продолжал подниматься над землей, людьми, цепями.

Корень моего одиночества – пустоши мира.

Я – дом

И вот посетило меня видение, и оно было не из тех лет, которых я не помнил, и не из тех мгновений, которые мне не суждено пережить. Мое видение – взгляд со стороны.

Я превратился в дом, крышей я касался неба, своим фундаментом я зарылся в почву. Окнами я созерцал все стороны света и только вглубь себя я не мог заглянуть. А ведь внутри меня было так много интересного – лестничные пролеты и площадки, квартиры и комнаты. Меня населяли люди, и каждый из них мог бы нашептать много интересных и поучительных историй.

Я не безвольный и молчаливый материал, не сооружение, которое просто стоит на одном месте. Я – обитель для тех, кто любил и страдал, встречался и расставался. Я – цитадель для семей. Но не оберег от краха любви.

Я – дом и способен говорить с жильцами, но кто поймет мой язык, кто ответит на мои вопросы? А ведь все вещи ждут, когда с ними заведут беседу.

Днем по моему чреву струится полутьма, а ночью всё затапливает свет, но как днем, так и ночью лишь тишина не тревожит.

Я не смерть и не жизнь, а только существование.

Факт того, что я – дом.

Страшное

Он всегда появляется в разгар непогоды.

Облачившись в холод и стужу, он приходит в мой дом.

Он приносит с собой запах сырой земли и страха. Вслед за ним врывается хищный ветер – ледяной, пронизывающий до костей.

Он бесшумно прокрадывается в мою комнату, забивается в самый дальний и темный угол и оттуда смотрит на меня долгим немигающим взглядом.

Впервые я увидел его на улице, было пасмурно и тоскливо, то и дело шел дождь, сверкали молнии. Он бледной тенью шел мне навстречу. Люди, мимо которых он проходил, поднимали воротники, опускали лица и перебежали на противоположную сторону улицы.

Я свернул в первый попавшийся магазин. Однако он последовал за мной. Я стал к нему спиной и закрыл глаза. Я чувствовал его влажное прерывистое дыхание на своей шее.

Страх, подобно спруту, оплел мою душу своими скользкими щупальцами, сердце забило сильнее, а ноги стали ватными. Он – зло, от него веет опасностью: то, что вселяет ужас, беспокойство и тревогу, не может быть хорошим и добрым.

Почему он выбрал меня? Может, во мне есть что-то такое, что привлекает его?

Откуда он явился? Возможно, он всегда был здесь, только прятался от людей?

Что мне делать, как избавиться от него? Думаю, убить! Однако для начала его надо поймать, но я еще не придумал, как это сделать.

В поле

...И вот мы вчетвером стояли посреди необъятного поля, посреди высокой зеленой травы. Над полем и над нашими головами – пустота и прозрачная бесконечность голубых просторов неба.

Мы были посередине поля, и до любого его края было одинаково далеко. Поле казалось нам зеленым океаном, покой которого нарушал ветер. Он гнал по траве волны, вихрился, поднимал вверх облачка, в которых клубилась пыль и мелкие семена травы.

Мы были в сердце стихии и на фоне яркой зелени, наверное, выглядели неуместными темными пятнами.

Мы договорились разойтись в разные стороны и, отсчитав ровно сто шагов, развернуться и что-нибудь сделать.

Мы встали спинами друг к другу и одновременно сделали первый шаг. Каждый из нас направился в свою сторону, считая шаги вслух, и чем дальше мы отдалялись друг от друга, тем глуше становились наши голоса. Мы были разными, и всё же единым целым. Нас связывала общая нить мысли, идеи и устремлений. Она проходила сквозь это место, сквозь время и пространство, сквозь наши души.

Мы считали, и наш счет никто не мог остановить – только мы сами. Я мог замолчать. Так могли поступить разом все или кто-нибудь один из нас.

Но наконец я закончил счет, крикнув: «Сто!» – и резко повернулся. Я уловил краем глаза, как мои друзья тоже повернулись вместе со мной. Мы подняли руки и помахали друг другу.

Мы могли бы и вовсе не поворачиваться, как это обычно делают некоторые люди: позади – прошлое, пройденный путь, и нет смысла вновь тратить на него внимание.

Возможно, кто-то из моих друзей, а может быть, каждый из них, кроме, разумеется, меня, уже успел раз-другой оглянуться и оценить расстояние между нами, только никто не выдал себя ничем, да и потом, как бы я узнал об этом, если все мои мысли были заняты подсчетом шагов. Обернуться можно было в любой момент, наш уговор не делать этого до сотого шага основывался лишь на нашем желании, а не на абсолютном требовании, и к тому же этот уговор шуточный, и его нарушение не привело бы ни к каким серьезным последствиям. Обернуться раньше, если бы кому-нибудь из нас надоело это занятие. Обернуться позже, если бы один из нас вдруг сбился со счёта. А вот обернуться ровно в положенный срок – это, пожалуй, самое сложное, практически неосуществимая задача.

Я был уверен в себе, внимательно считал шаги, а что касается других, может статься, их уверенность в собственных силах и внимательность при совершении тех же действий превосходили мои во много раз, а может, наоборот.

Мы существовали в одном пространстве и не чувствовали себя одинокими и потерянными, однако до той поры, пока звучали наши голоса, до момента, когда мы были в состоянии перекликаться. Если бы мы и дальше продолжали двигаться каждый в свою сторону, то не осталось бы от нас ничего, кроме безмолвия.

Я бы попал в никуда, мои друзья оказались бы нигде, а перед нашими глазами и позади нас зеленела бы стена высокой травы.

Льдины

Всё всегда одно и то же. Это некий безусловный, божественный закон, непоколебимое правило вселенной: к нам по морю приплывают льдины. Бесформенные, сверкающие полупрозрачной, немного мутноватой белизной глыбы льда, отличающиеся друг от друга разве что очертаниями и размерами, прибываются к берегам нашего острова. Если посмотреть на наш остров сверху, то окажется, что он окружен льдинами и их осколками, как горной грядой – высокой и непроходимой, с множеством острых вершин.

Лед – повсюду, он определяющий фактор, при совершении дел мы всегда должны принимать в расчет, толст он или тонок. Казалось бы, суровые условия мест, которые дают нам жизнь и закаляют характер, должны сплачивать нас, объединять и приводить к общему знаменателю, однако – нет, ничего подобного! Холод мира: воздуха, который заполняет наши легкие; твердой мерзлой земли, по которой ступают наши ноги; погоды и мировоззрения – превращает каждого из нас в одиночку – закрытое, постоянно погруженное в себя существо. Мы ищем тепло, свет и радость в себе.

Мы словно льдины, немые, холодные и отстраненные – собираемся в кучу в одном каком-то месте или вокруг какой-нибудь идеи и потом вынуждены сосуществовать. Впрочем, в отличие от тех же самых кусков льда мы еще как-то можем ужиться и примириться друг с другом.

Однажды я в компании еще десяти человек плавал на ледоколе. Наш корабль – сила, противостоящая смертоносной целостности ледяного щита. Корабль двигался вперед и только вперед, сокрушая ледяной панцирь, под которым билась стихия моря. Мы несли свободу морским водам, и волны пенились и бурлили – будто радуясь обретенной свободе.

Присмотрись, здесь ничего кроме льдов. Мы сами, конечно же, – что-то. Но в округе пустынно – и эта пустота была до нас и будет после. Обычный лед несет смерть физической оболочке – телу, лед веры или надежды несет погибель душе. Иногда на приплывавших к нам льдинах попадались животные: детеныши тюленей, медвежата, даже птенцы пингвинов – я не знаю, как они туда попадали, для меня это было странной, непонятной тайной, увитой гирляндами из десятков других не менее невероятных секретов. Найти разгадки, ответить на все животрепещущие вопросы могли только льдины и море, но разве их волнуют попытки такой ничтожной пылинки мироздания, как человек, получить заветную и столь всегда желаемую исчерпывающую истину? Нет! Интересно и вот еще что: ни я, ни кто-нибудь еще ни разу не встречал на льдинах взрослых медведей, тюленей или пингвинов – только молодняк. Может, взрослые особи могут о себе позаботиться, постоять за себя.

А недавно произошел ужасный случай: на одной из льдин – большой, плоской, прямоугольной формы – мы нашли тело мертвого медвежонка. Льдина с мертвым пассажиром скользила по высоко вздымавшимся черным волнам холодного моря. Ветер вихрился, струился и перекачивался над льдиной и под нависающим над морем куполом громадных темно-серых, плотных туч.

У нас на острове говорят, что лед – это напоминание о конечности всего сущего, нечто холодное и застывшее, не способное к развитию. Смерть. В этом можно узреть некую религиозную подоплеку – мы боремся с ледяным пленом, сокрушаем стены из него, перемальваем в труху осколки, стараемся сохранить процесс движения всего, что окружает нас. Это ритуал, который мы все исполняем каждый день.

Философия льда: он всегда был, есть и будет. В чём его смысл? В холоде и забытьи? Изменится ли что-нибудь, если мы покинем остров – исчезнем, как снег ранней весной? Лед не расскажет о нас, если только мы сами не вверим ему себя, не запечатаем на нём следы собственного пребывания на земле.

Если внимательно рассмотреть кусок льда, можно увидеть сложный рисунок, нанесенный природой. Кружева, сетки, переплетения линий – это и есть красота, но в этих узорах можно увидеть нечто большее. Лед говорит с нами, хотя мы и не понимаем его языка.

Капитан ледокола как-то на днях сказал мне: «Лед слоями нагромождается на берега наших душ, во тьме безнадежности и уныния он крепнет как никогда. Лед образует стены вокруг наших мыслей, снов, человеческой природы – оттого мы так хорошо понимаем его, и потому нам настолько близок его холод и мутноватый блеск. Наши чувства по отношению к другим временами превращаются в лёд, а несчастная любовь подобна его холоду и немому безразличию».

О рыбаках

Мой мир всегда балансирует на границах двух стихий – земной и морской.

Мой мир – это рыбацкий поселок – не большой и не маленький.

Мой поселок – связующее звено между морем и сушей.

Мой мир уязвим, море всегда обрушивает на него волны, высокие во время шторма и почти незаметные в тихую погоду. Суша вокруг поселка не богата деревьями – только трава и редкие кусты, раскачивающиеся на ветру.

Мой мир – холодный и мрачный, но я и другие привыкли жить здесь. Холодные серые камни – часть нашего мира, черные волны черного моря – неотъемлемая составляющая нашей внутренней природы.

На рассвете, что вовсе не рассвет, мы видим мрачную даль моря. На закатах, которые не когда не были закатами, мы прощаемся с черной пустотой над морем. Мы повторяем этот ритуал каждый день.

Рыбаки на своих судах. Я их вижу и машу им рукой. Одни, заметив меня, отвечают тем же, другие просто кивают. Они о чем-то оживленно и громко переговариваются и смеются, кто-то заводит песню, шум волн заглушает ее, и всё же удается разобрать слова. Неожиданно песню подхватывает другой рыбак, а за ним еще и еще, и вот уже все дружно, пытаюсь перекричать шум моря, поют во весь голос.

Рыбаки уважают море, оно в свою очередь уважает их, кто-то из рыбаков утверждает, что нет ничего лучше музыки моря. Они в этом видят поэзию мироздания, и вряд ли променяли бы ее на что-то другое.

Но вот рыболовные суда отчаливают от пристани, друг за другом плывут к затянутому серыми тучами горизонту. Море запоминает маршруты, по которым плавают корабли. Рыбаки ведут суда вперед, стоя в полный рост на носу, подставив лицо ветру. Они горды и бесстрашны и не замечают брызг, летящих им в лица. Гнев моря для них ничто.

Тени рыбаков и их кораблей становятся тьмой. Их очертания теряют четкость – всё мрак, всё серость – сейчас только утро, впрочем, нет солнца и нет рассветов – вверху лишь сплошные серые тучи, сквозь которые слегка просвечивает чуть более светлое пятно. Иногда кажется, что солнца и голубого неба не существует.

Рыболовные суда исчезают за горизонтом. Когда длинный и широкий мокрый блестящий причал пустеет – наступает безмолвие, слышен только шум моря, раскатистый громкий голос стихии. Он звучит везде и всюду – даже если убежать подальше от моря, от берега, из поселка – всё равно будешь продолжать его слышать.

Вечер. Темнеет. Рыбаки возвращаются с уловом. Но море не всегда делится своими богатствами. Счастье – это сети, полные рыбы. Когда рыбаки хвалятся друг перед другом своим уловом. Кто поймал добычи больше, а кто меньше, больше, конечно, лучше, всегда лучше, но и самый малый улов не так уж и плох, гораздо хуже, когда сети приходят пустыми. Но проигрыш и пустота – только сегодня, только в эту секунду. Минует вечер, сгинет ночь, и вновь забрезжит бледными каплями света тусклый рассвет, и, как обычно, устремится вереница рыбацких кораблей к просторам моря.

Мы ждем, когда стихия зашумит, запенится в нас.

На пристань встречать рыбаков выходит весь поселок, женщины и дети – их семьи, они приветствуют мужчин радостными возгласами – вот уже и тьма не так пуста, и рокот моря не настолько монотонен. Едва рыбацкие суда причаливают, как рыбаки живо сходят на берег и радостно идут навстречу своим семьям.

Рыбаки с женами и детьми дома – семейный очаг – тепло и свет любящих сердец. Все в сборе – сидят за общим столом и ужинают. Мужья целуют своих жен и детей – благословен

мир в семье. Мне нравятся подобные картины семейной идиллии. Море шумит, волны неистовствуют, пытаются показать всеми миру свою власть и могущество – но то, кажется, происходит где-то в иной реальности. Корабли у причала, их паруса и рыболовные сети свернуты, а вокруг полупрозрачный мрак, пронизанный гулками стенаниями моря и свистом холодного ветра.

Стать бы рыбой, но не попадаться в сети. Быть бы рыбаком и не знать, что такое пустая снасть. Судьба нашего поселка – объединять людей по умению ловить рыбу; судьба рыбаков – оставаться рыбаками с сетями в руках; судьба сетей – быть всегда с добычей, а судьба нас всех – жить тем, что делает нашу жизнь простой и счастливой.

Время идет, и я вместе с ним. Вечер гонит меня домой – согласен с ним.

Светлая комната

Яркий, невыносимый свет ослепляет. Свет, сконцентрированный в одном помещении, ослепляет вдвойне. Свет везде и всюду, не отличить осязаемое от неосязаемого, материальное от абстрактного. Свет излучают стены, пол и потолок комнаты. Поиск выхода – сложная задача. Сначала надо выяснить, где находится ближайшая стена, после того как она найдена, необходимо выяснить, в каком именно направлении стоит двигаться вдоль нее, чтобы достичь выхода.

Гипотетический выход. Разум подсказывает, что он есть – ведь ты же каким-то образом попал сюда из другого места, но не исключено, что ты всегда был тут, и эта комната, которая, может быть, существует только в твоём воображении, не имеет выхода, потому что он никуда не ведет.

Но предположим, из комнаты можно выбраться.

А вдруг ты уже стоишь у стены, или даже больше того – у выхода из помещения – тебя от него отделяет всего пара маленьких шагов. Свет так ярок, так насыщен, что кажется – даже мысли тонут в нём. Он преграда, мешающая проверить предположения.

Знакомство

Мы собрались в одном месте без начальной и конечной цели, просто потому, что поблизости нет иных таких мест, где каждый из нас не чувствовал бы себя обязанным попытаться познакомиться друг с другом.

Место, о котором я говорю, – ни для меня, ни для них, ни для всего остального человечества ни даже для самого себя – оно лишь антураж для нашей взаимной трусости и взаимного страха перед опрометчивым знакомством.

И что теперь?

А теперь, в этом месте, мы просто дышим общим воздухом единственного обезличенного пространства и при этом то постоянно смотрим по сторонам, то, закрыв глаза, пытаемся построить более или менее связную и обдуманную беседу со своим внутренним «Я».

Монстр

Сегодня днем я был на параде, посвященном окончанию войны. Я смотрел, как по городской площади маршировали чудовища в чистых новеньких мундирах, с ружьями на плечах. Их движения были доведены до совершенства и отточены до блеска. Когда звучал гимн нашей страны, они отдавали честь. Люди, толпившиеся у заграждений, фотографировали их, кричали и махали им руками и флажками, свистели. Высоко в небе над площадью проносились самолеты.

Потом была демонстрация военной техники – громоздкие сооружения смерти из железа двигались друг за другом тяжело и неторопливо.

Прорицатель

На днях произошло интересное событие – в наш город приехал прорицатель. Он выступал в местном Доме просвещения, и я, разумеется, решил пойти на его представление.

Прорицатель был знаменит своим провидческим даром и умением превращаться в птиц, точнее, в птицу – стрижа. То и другое сверхъестественное искусство – поразительное, невероятное и, может, даже немного пугающее – прорицатель демонстрировал в одной из телевизионных передач, посвященных мистическим явлениям и людям, которые служат сосудами для них....

На просторных и темных равнинах моей памяти время от времени начинают искриться, словно бенгальские огни, радужные воспоминания о том, как это было. Хотя нет! Само превращение человека в птицу так и не показали, прорицатель не захотел демонстрировать зрителям, как это происходит: он попросил, чтобы его чем-нибудь накрыли. Просьбу прорицателя немедленно исполнили – накинули на него большой кусок ткани белого цвета.

Всё произошло быстро – без торжественных грома и молний, и без ураганного ветра – даже освещение в помещении не изменялось – просто прорицатель – его физическая оболочка, человеческое тело – исчез под тканью, ставшей опадать, и в то же мгновение из-под нее выпорхнул стриж – маленький и хрупкий, быстрокрылый и резвый – он немного покружил над зрительным залом и улетел за кулисы.

Лица зрителей выражали недоумение, восторг, растерянность и испуг. Затем в студии появился прорицатель. Его приветствовали стоя.

Во второй половине передачи он делал предсказания. Вглядывался в черную ткань прошлого – эпизоды, ставшие камнями, пыльные останки пройденного. Созерцал сквозь радужное полотно настоящего бурление жизни, событий, которые свершались в ту секунду. Наблюдал через бледный туман грядущего, порождавший образы того, что уготовано миру, – слабые и нечеткие видения тех мест, где каждому предстояло побывать, и людей, с которыми суждено было встретиться.

Прошлое, настоящее и будущее – три времени бытия, три ипостаси вселенной – источники, из которых он черпал свои предсказания.

После этого прорицатель прославился, помощниц взял. Ах, слава, яркая звезда – трепет и красота, летящая вверх, к небесам. Одних она ослепляет и обжигает своим светом – ожоги глубокие и болезненные, а других щедро одаривает блестящим жемчугом любви и золотом счастья.

В нашей стране прорицатель был диковинкой, чем-то невероятным, неким сверхъестественным существом, наделенным большой силой. Зато за границей, в Америке и Европе, к персоне прорицателя относились не как к какому-то умопомрачительному и редкому чуду, а как к чему-то, что встречается практически на каждом шагу, банальности и серости, не заслуживавшей восторгов и дифирамбов.

И в Америке, и в Европе были свои прорицатели – уникалы от мира необъяснимого. Да, нам о них рассказывали с экранов телевизоров, но как-то вскользь – давали общие представления о них, почти без подробностей. Только говорили, что для кого-то прорицатели превращались в птиц, а кому-то предсказывали события грядущего. Грубо говоря, нам бросали кость – гладкую и белую, без кусочка мяса на ней, а ведь, как известно, скудной и пустой кости недостаточно, чтобы утолить голод.

Нас часто мало интересует то, что происходит у других, и только когда мы сами сталкиваемся с чем-то неординарным, непонятным и чуждым, то внимательно приглядываемся к этому.

Сколько прорицателей жило в Америке и Европе? Число тех, чья жизнь была подобна окну в доме, в которое всякий желающий и в любое время дня и ночи мог свободно загля-

нуть и увидеть всё, что творилось внутри, ограничивалось несколькими десятками. Но неизвестно, сколько тех, кто избегал всякой публичности, жил скромной, непримечательной жизнью, нисколько не выдавая себя и своих умений.

Есть ли между открытым меньшинством и закрытым большинством связи, и имелся ли между ними посредник, одновременно державший их в секрете и нет, и давал ли он людям информацию о них в чистом виде или только ее отдельные, не собираемые в целое осколки?

Или большинство, в силу своей скрытности, общается с меньшинством, которое не делает секрета из своего существования, только тогда, когда обе стороны нуждаются в подобном общении? И является ли это общение чем-то материальным, или оно похоже на нечто ментальное, метафизическое, сшитое из той же ткани, что и сны? Что если оно балансирует между тем и другим? Возможно, что такое общение сначала имеет материальную форму, потом переходит во что-то сверхъестественное – вроде предвидений или серии мысленных образов, затем приобретает облик информации и под конец перевоплощается в обычные символы, буквы, цифры, формулы.

Я вот о чём подумал: в нашей благословенной и великой стране должны жить еще прорицатели. По логике вещей – там, где один прорицатель, должны быть и еще несколько, а может, сотня. Впрочем, существует вероятность того, что в нашем обществе нет больше прорицателей – об этом говорит хотя бы тот факт, что новые прорицатели до сих пор еще не заявляли о себе, – а может быть, не пришло время для подобных открытий?

Мне это чем-то напомнило айсберг в море – гора льда одна, как и ее суть, природа и название, только какая-то часть айсберга погружена под воду – бóльшая, а какая-то белеет над поверхностью.

...Зал Дома просвещения, казавшийся неоправданно просторным в другие дни, а теперь представлявшийся невыносимо тесным из-за огромного количества пришедших на шоу людей, утопал в паутине яркого света люстр и софитов.

Я расположился во втором ряду – идеальное место – отсюда я смогу увидеть всё, что будет делать прорицатель.

Шелковый занавес медленно поднялся, и на сцене появились три человека – две девушки – высокие блондинки с белыми, как снег, лицами, и очень худой мужчина, полностью закованный в блестящие серебристые доспехи. У него были длинные седые волосы и борода почти до пояса – это был прорицатель. Девушки – одна облаченная в двуцветный балахон, а другая в полосатой расшитой звездами робе, – с предельной бережностью держа его под руки и не выказывая никаких эмоций, осторожно подвели к микрофону, одиноко стоявшему у края сцены.

Насколько точными были его предсказания? Я слышал, что большая часть из того, что он предсказывал и говорил, сбылась с поразительной и вместе с тем пугающей точностью. Не сбылись те предсказания, которым не суждено было сбыться, хотя где-то на холсте мироздания они предполагались. Возможно, предсказанные прорицателем события сбудутся лишь спустя много-много лет, или они случатся, когда не будет на этом свете того, кому они были адресованы. Не исключено, что они уже произошли, только никто не заметил этого в силу обстоятельств, каждодневных забот и большой занятости, воплотились не в той форме, в какой все их ждали, а предстали в совершенно ином виде – но в предсказанный срок. Думается мне, что некоторые предсказания прорицателя станут реальностью тогда, когда захотят этого высшие силы. Они примут десятки разных обликов, незаметных для одних и запоминающихся для других, с единой сущностью, но многочисленными финалами.

– Задавайте вопросы, – сказал прорицатель. Его голос был низким, тяжелым и отчетливым. – О чём каждый из вас хочет знать больше всего.

– Нет, нет, нет! – вдруг запротестовали зрители. – Лучше продемонстрируй всем, как ты умеешь превращаться в птицу.

– Только это? – удивленно спросил Прорицатель. Он загадочно прищурился, и на его тонких губах проскользнула легкая ухмылка. – Разве никому из присутствующих не интересно, что ждет его в будущем?

– Нет, – хором закричали все.

Прорицатель сделал короткую паузу, обвел долгим взглядом зрителей, а потом произнес спокойно, тяжело, уверенно:

– Хорошо!

Прорицатель кивком головы дал команду девушке в балахоне. Та вынула из глубокого кармана большой атласный платок красного цвета, расшитый позолоченным узором, и аккуратно накрыла им прорицателя. В тот же миг доспехи, в которые было заковано тело прорицателя, утратив опору, с громким звоном рухнули на деревянное покрытие сцены. Из кучи блестящего металла вылетел стриж. Юркая птица молнией метнулась вверх, затем черным камнем спикировала вниз и, в полуметре от пола развернувшись, вновь взмыла к потолку и стала кружить над сценой.

Все зрители – в том числе и я – в сильнейшем потрясении и даже экстазе вскочили и восхищенно захлопали в ладоши.

Стриж опустил на платок, распластал крылья и запрокинул головку.

А что было бы, если бы все люди умели превращаться в стрижей?

Я закрыл глаза...

Если бы люди обладали такой способностью, то они разом освободились бы от своих плотских темниц – слабых и покорных воле жестокого времени – и в мгновение ока превратились в маленьких стрижей. Они бы воспарили над землей – над скорлупой обыденности и физических потребностей, над пеплом суеты и мелких житейских проблем, над костями мирских желаний – и устремились бы одной большой стаей в небо. Черными точками они отпечатались бы на белоснежных облаках, черными слезами запечатлелись бы на сияющем безупречной синевой полотне неба.

А что потом?

А потом стрижи поднялись бы еще выше и стали бы частью божественного света, света чистого и ослепительно прекрасного, ровным потоком расстилающегося над миром и мерцающей пылью оседающего в душах в сердцах живых существ.

...Одна из девушек наклонилась над птицей, бережно подняла ее и затем, не произнеся ни слова, направилась вглубь сцены. Другая девушка последовала за ней. В эту секунду занавес опустился.

Может, шоу закончилось, или это только антракт? Может, после перерыва мы увидим кульминацию шоу, где прорицатель в своем прежнем человеческом облике явится на сцену, окруженный ореолом торжественности, и гордо и непоколебимо, с победной улыбкой на губах и под всепоглощающий и заглушающий шум оваций низко поклонится всем?

Возможно, у шоу будет продолжение, или очень короткое, или довольно длинное, не исключено, что даже длиннее первой части, однако может оказаться, что после перерыва будет совсем другое представление. Может, оно растянется на целый час или займет всего пятнадцать минут, а вдруг после антракта, который, впрочем, может действительно оказаться не перерывом, а концом шоу, будет еще одно представление, подобное первому, но не с прорицателем в главной роли, а с каким-нибудь фокусником.

И вполне вероятно, что оно продлится столько же, сколько и шоу прорицателя, с таким же оборванным или, наоборот, чересчур затянутым финалом, завершающимся либо послесловием, либо началом другого представления, тянущего за собой иные мелкие или не очень выступления.

Так что же было потом?

Всё одновременно!

Моя работа

Я работаю в типографии. Мой кабинет – совершенно крошечное, заставленное стеллажами помещение – расположен на втором этаже, в начале длинного коридора с ровными выкрашенными в персиковый цвет стенами, полом, застеленным ковровой дорожкой и подвесным потолком со встроенными светильниками. На втором этаже кроме меня работает еще десятка полтора человек. Двери их кабинетов – всегда закрытые – находятся по обе стороны коридора – точно одна напротив другой. И только если из моего кабинета смотреть в коридор, упрешься глазами в стену.

Двери кабинетов моих сослуживцев и цветом, и замками, и номерками, по которым легко ориентироваться, похожи друг на друга, зато всё, что происходит за ними, никогда не повторяется – беседы работников, обсуждения и переговоры. Личные трагедии, взлеты и падения – сама атмосфера в тех помещениях различна – в женских коллективах она одна, в мужских – совсем иная. Пожалуй, только общая работа объединяет нас всех. Я – деталь в едином механизме, но я, в отличие от прочих работников, которые разбиты на группы и исполняют только какой-то один вид обязанностей, нахожусь не внутри механизма, а вне его. Почему так? Мои сослуживцы работают в организации с самого основания, я же пришел сюда гораздо позже – лет через пять после ее открытия. Я чужак, а они семья.

Есть кабинеты, и в каждом надо взять определенную бумагу, чтобы потом, сложив их вместе, получить нечто целесообразное и осмысленное, а затем показать директору, который оценит то, что ты принес, опытным придирчивым взглядом и после вынесет вердикт о сделанной работе. Прodelывать этот путь приходится почти каждый день, почти ежедневно, причем не всегда выпадает шанс сразу взять то, за чем пришел, иногда приходится топтаться на месте или сделать два шага назад и только один вперед или в сторону.

Путь от кабинета к кабинету с массой отступлений – то по диагонали, то по зигзагообразной траектории, то поперек всякому маршруту – всё же со временем приводит к финалу – в кабинет директора. Впрочем, удлиняющаяся дорога к цели позволяет устранить все ошибки, неточности и просчеты. Вспомнить о забытом, дописать недописанное, организовать беспорядочное – это утешает.

У моего пути много начал – просьба, обстоятельства, желания, но кончается он всегда в одном и том же месте.

Я могу остановиться на полпути и пойти в обратном направлении.

Я также могу добраться до середины пути, сойти с него и пойти рядом либо воспользоваться другим путем, неважно, длинным или коротким, главное – ведущим к цели. Всё бы ничего, если бы только не тесное помещение, в котором я работаю.

На моем этаже, в двух метрах от стеклянных оклеенных разноцветными листовками, памятками, объявлениями дверей, которые настолько тяжелы, что приходится приложить усилия, чтобы открыть их, стоит продолговатый стол зеленого цвета. За ним сидит симпатичная девушка с вьющимися волосами и в очках. Она отвечает на звонки, дает общую информацию. Каких-то деталей, нюансов она никогда не касается – не потому, что не положено, а по той причине, что ее осведомленность ограничена.

Девушку зовут Антонина. Я давно заметил, что при разговоре с другими работниками организациями тон ее голоса ровный, звучный и мягкий, в ее словах, которые она всегда произносит с каким-то изяществом, не слышно никакого акцента. Зато при беседе со мной она постоянно меняет интонацию, подчеркивает слова и фразы, будто в них скрыт только ей одной ведомый, но адресованный именно мне смысл.

Я не могу спросить у нее напрямую, почему она так делает, потому что, услышав ответ, не сумею понять, сколько в нём правды или лжи: содержит ли ее ответ лишь только одну

чистейшую правду, или в нём нет ничего, кроме лжи. И будет ли эта правда оттенена ложью, или наоборот – ложь приправлена частицей правды. Маленькая ложь, обесценивающая большую правду – и крошечная правда, перечеркивающая громадную ложь. А вдруг ложь в ее словах – разумеется, после того, как подтвердится, что это так, – окажется вынужденной, потому что правда обидна и неприятна. Но что если ложь, которая таится в сказанном девушкой, – скрывает в себе, как матрешка, другую ложь, а в ней прячется еще одна ложь или истина. Впрочем, может случиться, что Антонина просто промолчит в ответ.

Рабочий день кончался, и я засобирался домой. Неожиданно ко мне в кабинет заглянул начальник и попросил задержаться. Он протянул мне толстую стопку аккуратно сложенных бланков и сказал, что необходимо проставить свою подпись на каждом из них. Причем именно сегодня, не завтра и не послезавтра: без моей подписи бланки – обычные бумажки. Завтра – день, когда их надо будет передать в вышестоящую инстанцию. Почему именно только сейчас мне передали их на подпись, почему лишь один день мне отвели для этого, и как, собственно, я успею за остаток вечера выполнить всю работу?

Конечно, тут нет ничего непреодолимого и неосуществимого – достаточно собраться с мыслями и силами, запереться в кабинете, чтобы внешний мир не тревожил, и затем полностью отдаться делу, однако такое количество бланков слегка пугало меня. Как лучше организовать работу? Можно разложить бланки на столе – скажем, по десять-пятнадцать штук – а после быстро расписаться на каждом, однако это не выход, ибо я всё равно потеряю время не только на раскладывание и подсчет бланков, но и на то, чтобы собрать их снова.

И всё же, как бы там ни было, сколько бы путей и способов я не искал, чтобы сберечь драгоценное время, у меня в любом случае и при всяком раскладе не получится уложиться в срок. Причина по которой я не властен над временем, кроется в количестве бланков – я не могу уменьшить их число, правда, слава богу, оно и не вырастет. Есть точная цифра – не больше и не меньше, мне дали ровно столько бланков, сколько дали, и я отвечаю за них.

Я взял бланки положил их перед собой на стол. Мой начальник с довольной улыбкой хлопнул в ладоши, поблагодарил и покинул кабинет. Я принялся подписывать бланки.

Надо будет позвонить сыну и предупредить, что приду домой поздно.

Маяк

Я – маяк и возвышаюсь, словно длинная и тонкая свеча, на берегу моря. Мое тело создано из безразличного ко всему немого камня. Внутри я полый, во мне извивается змеей винтовая лестница с железными перилами и ступенями. Я всегда обращен к морю, и мой единственный глаз – прожектор смотрит на мощные неумолимые волны.

По ночам я излучаю свет, посылаю его одним сплошным лучом в темную морскую даль. Мой свет летит через бури, сквозь шторма, для него нет преград, кроме желания человека впустить его в себя. Мой свет – это ориентир для кораблей и людей, для тех, кто потерялся в море, заблудился во тьме в бесконечно широкой и глубокой водной стихии.

Я мог бы сравнить себя с солнцем, потому что, как и солнце, я несу свет всему, хотя, в отличие от него, лишь освещаю пространство над морем, но не согреваю его.

Я мог бы сравнить себя с тьмой, когда мой прожектор выключен.

Однако я ни то, ни другое даже отдаленно, я всего-навсего воплощение чьей-то идеи, замысла, строение, воздвигнутое в определенном месте и в определенное время и выполняющее строго ограниченное количество функций.

Я не могу самостоятельно взять на себя больше или меньше функций и стать чем-то сложным или простым, приносить больше пользы или меньше. Мои обязанности равны моему названию и цели, с которой меня построили.

Трансформация

Сперва я пустотой великой был.
Подобно океану разливался я повсюду.
В моих глубинах обитала чернота,
А вместе с ней кошмарное безмолвье.
Но как-то раз божественный огонь меня окутал,
Предал мне формы, наделил чертами,
Заполнил всё безмерной благодатью.
Я стал истоком мироздания,
Началом всех времен, материи и звуков.
И снова свет задумал изменить меня.
Но был оформлен я совсем иначе:
Возникли руки, ноги, голова,
Глаза и рот,
А также нос и уши.
Вдохнул в меня святую душу
И мыслью разумной наделил.
А после мне он имя подобрал длиной в одно лишь слово —
Человек.

Культура

Об этом не говорят, хотя я считаю, что некоторые вещи надо размещать на площадях и на пересечении сразу нескольких проспектов, так вот об этом не говорят, но существует культура и правила питья водопроводной воды из кружки. Их практически никто не соблюдает. Я знаю, что это безрассудно, но людей не переубедишь, хотя с водой они часто имеют дело. Я, например, в детстве соблюдал и культуру, и правила питья водопроводной воды из кружки. Временами это было обременительно. Как говорится, начни спорить с обстоятельствами и засеки время, через которое ты сдашься. В конце концов, я ведь не дикарь, я не могу чтить образ жизни первобытных предков. Простите, первобытные предки!

Размышление 1

Один из даров – это умение с издевательским пренебрежением перешагивать проблему высотой с гору, оставаясь при этом размером меньше точки на листе бумаги.

Разные записи из дневника

15 августа.

Мы все находимся в изолированных от мира и друг от друга помещениях – особых комнатах со стеклянными стенами.

Мы не можем прикоснуться всей ладонью к предметам за пределами своих клеток. Ни вдохнуть их запаха, ни ощутить, насколько они холодны или теплы. Вроде бы стекло достаточно прозрачное, и оценить взглядом окружающее нас пространство легко, но я не уверен, что стекло нисколько не искажает цвета, текстуры и формы всего, ведь прозрачность бывает разной.

13 сентября.

Битва с общественным мнением – мой долг, мое призвание. Размахивая мечом и издавая боевой клич, бросаюсь я на врага. Переменный успех – временами общественное мнение одерживает надо мной победу, иногда мне удается выиграть. Я надеваю доспехи, прикрываюсь щитом и иду напролом.

Прозаические тексты

Размышление 2

Нет ничего зазорного в том, чтобы упасть лицом в грязь на глазах у окружающих, зазорно, поднявшись на ноги, делать вид, что что-то изменилось и, не стирая грязь с лица, не продолжать после этого добиваться высот.

Танкетки (жанр)

Сумерки
хаоса

Гробница
рассвета

Алтарь
сновидений

Полутень
вечности

Твердыня
мечтаний

Тиара
мгновений

Хайку 2

На что я смотрю?
На улыбку матери
И грозу летом.

Поцелуй весны
Напоил жизнью клёны
И мою душу.

Ладони зимы
Стерли красоту рощи.
Но я не грущу.

Наши ангелы (о противоречии)

Когда ангел прилетает к человеку, то задает ему один и тот же вопрос: «Хочешь ли ты, человек, чтобы я – ангел – стал твоим защитником, верным и преданным другом?»

Человек всегда без промедления и раздумий отвечает: «Да, конечно!».

Они обнимаются, а потом ангел становится невидимым. О его присутствии напоминает легкое колыхание лепестков на цветах в безветренную погоду или солнечным бликом на стекле. Если же человек попадает в беду, ангел непременно откликается на его зов.

У меня с моим ангелом было так же. Мой ангел был красивым и статным.

Я относился к нему как к брату. Мы с ним бродили по земле. Находили приют в разных городах и странах. Однако всегда возвращались в мои родные края. В ночной темноте я освещал перед ним своей любовью, дружбой и преданностью весь мир. Днем я следовал за ним – тенью его больших белоснежных крыльев. Он указывал путь к тому, что делало меня добрым и благочестивым.

Иногда случалось так, что моя душа и человеческая сущность рассыпались на части. Так всегда бывает с людьми, когда они не знают, как поступить: много вариантов – и много исходов. Мы вместе находили правильное решение, и я вновь становился целым – самим собой. К слову, мой ангел также не раз находился на распутье.

Я брал его за руку. Он обнимал меня своим крылом.

Когда я спал, он был моим сном. Когда я бодрствовал, ангел был моей явью. Я был в ответе перед ним даже в большей степени, чем он передо мной, поскольку боялся сделать что-нибудь такое, что могло бы его обидеть. Кто знает, возможно, я, не замечая того, и совершал какие-нибудь поступки, огорчавшие моего ангела, только он молчал об этом.

Мы с ангелом проводили вместе много времени и ни о какой разлуке даже не помышляли. Не страшна разлука, пока знаешь, что можешь противопоставить ей желание быть вместе. А время шло, но мы не обращали на это внимания. Мой ангел хранитель – лучший из друзей. И в танце под мерцанием далеких галактик кружилась наша с ним дружба.

Всякая трагедия – это потрясение устоев, а наше существование – лишь незначительное препятствие на пути ее неотвратимой и всегда катастрофической воли.

Трагедия вошла в мою жизнь...

...Меня и еще несколько человек пригласили на открытие новой семинарской школы. Мы находились в здании. Возможно, крыша не выдержала тяжести стоявших на ней массивных крестов – я еще в первый раз увидев их на крыше здания, спросил себя: «Разве одного креста недостаточно?». Или может, архитектор ошибся в расчетах или рабочие – при строительстве. В чем бы ни была причина, крыша школы обрушилась. Мы оказались погребены под завалом.

Мы бы умерли, если бы не наши ангелы хранители. Мой ангел был среди других, но держался позади остальных. Ангелы слышали наши мысленные мольбы о помощи. Нам не надо озвучивать собственные просьбы, достаточно, не произнося ни звука, кричать в небеса из собственных душ.

Всех спасли – и это благо. А вот меня такая удача обошла стороной. Мои травмы были серьезными, и я уже собирался распрощаться с этим миром. Тогда мой Ангел, почувствовав это, совершил удивительный поступок – он пожертвовал своим бессмертием, вечностью ради моей столь короткой и столь хрупкой жизни. Смерть отступила – тьма и забвение ушли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.